

Продолжение писем из Вены

Письма 3-4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
П78

П78 Продолжение писем из Вены: Письма 3-4 / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 68 с.

ISBN 978-5-458-14776-7

Письма Николая Аркадьевича Ригельмана - русского писателя, который в 1843 году вышел в отставку и поехал для пополнения своего научного образования в Вену.

ISBN 978-5-458-14776-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

тельствомъ служатъ : сохраненіе языка , который въ своей чистотѣ есть , безъ сомнѣнія , лучшій признакъ жизни народнаго организма ; умственное движеніе , выразившееся въ многочисленныхъ литературныхъ произведеніяхъ послѣдняго времени ; касательно Сербовъ , борьба ихъ съ Турками и утвержденіе независимости.—Слѣдовательно душа не отлетѣла, она живетъ и движется , слѣдовательно должна жить и двигаться сообразно мысли , сообразно направленію , данному ей свыше. А она можетъ это выполнить , только оставаясь вѣрною самой себѣ , работывая данные народу зародыши. Не будемъ покамѣстъ разсуждать , какіе именно эти зародыши , въ чемъ ихъ отличіе , въ чемъ ихъ преимущество надъ другими народами ; довольно того , что они есть , потому что есть многочислѣннѣйшее племя , ихъ хранящее , которое не можетъ же быть создано Премудрымъ Промысломъ для празднаго существованія , для того только , чтобы представлять мертвую массу , способную принять форму извнѣ , а не органически произвести ее изнутри , какъ всякое существо живущее. Довольно указать на Славянскую рѣчь вообще , на ея коренное отличіе отъ рѣчи другихъ народовъ , какъ на доказательство того , что Славянскому племени дѣйствительно предназначено рѣшить одну изъ тѣхъ всемірныхъ задачъ , которыя обыкновенно предлагаются Провидѣніемъ великимъ народамъ при вступленіи ихъ въ свѣтъ ; или лучше — предназначено перерѣшить ее послѣ другихъ народовъ , своихъ предшественниковъ.

Какъ скоро мы получаемъ право перерѣшить не разъ уже прежде рѣшенное , (а это есть право

преемства потомковъ послѣ своихъ предковъ), то конечно получаемъ его не иначе, какъ съ условіемъ и въ надеждѣ, что мы придемъ къ выводу болѣе удовлетворительному, болѣе истинному, полному и всеобъемлющему. Отдѣльные люди, предпочитая спокойствіе нравственнаго подчиненія чуждому образованію, могутъ отказываться отъ этой задачи; но народъ не можетъ: онъ, въ своей идеальной совокупности, есть по истинѣ созданіе по образу и подобию Божію; а потому ни отречься отъ своихъ даровъ, ни изгубить ихъ онъ не въ состояніи дотолъ, пока существуетъ. Онъ созданъ Богомъ для нравственной борьбы, для завоеваній на пути человѣческаго совершенствованія; орудіе Великаго Художника, онъ не измѣнитъ Ему, не распадется и не погибнетъ прежде времени, пока не выполнитъ своего назначенія.—Конечно, не путемъ безусловнаго подражанія, не путемъ насильственнаго подчиненія себя чуждому образованію и отреченія отъ своего духовнаго образа, какъ у нѣкоторыхъ изъ нашихъ западныхъ братій, можемъ мы выполнить назначеніе, данное намъ свыше и составляющее условіе существованія Славянскихъ племенъ; ибо Предвѣчное Опредѣленіе сотворило наше племя, какъ творитъ человѣка, съ особенною наружностію, умомъ, сердцемъ, чтобы изъ всего этого вытекала совокупность нравственной жизни, ему одному только свойственной. Въ самомъ дѣлѣ, какая польза будетъ человѣчеству, если мы даже сравнимся съ самыми образованными народами, если только усвоимъ себѣ то, что они пріобрѣли самаго истиннаго и хорошаго? Многіе мечтаютъ объ этомъ, какъ о высшей цѣли, къ которой намъ

надо стремиться; если бы даже это было возможно, мы бы сдѣлались двойникомъ того или другаго народа, или какимъ-то мертвымъ отвлеченіемъ всѣхъ ихъ, взятыхъ вмѣстѣ. Чтò же бы вышло изъ этого? Существованіе совершенно лишнее въ пространствѣ и во времени.—Нѣтъ, Богъ не даромъ создаетъ народы, не даромъ напечатлѣваетъ каждому его духовный и физическій образъ. Онъ не создаетъ ихъ также для нихъ самихъ, для того, чтобы они спокойно прозябали на клочкѣ земнаго шара, доставшемся имъ въ удѣлъ; Онъ создаетъ ихъ для человѣчества. Народы неспособные, лѣнивые, зарывающіе свой талантъ въ землю, Онъ уничтожаетъ и отдаетъ во власть другимъ; тѣ, которые домогаются славы быть его орудіями, тѣ становятся сильны, могущественны на земли, множатся и преуспѣваютъ. Всякій, исполнивъ свое назначеніе, сходитъ съ поприща, умираетъ, завѣщавъ пріобрѣтенное имъ достояніе своимъ преемникамъ. Но вѣчно живетъ человѣчество и человѣкъ: для нихъ вѣковыя судьбы народовъ только различные возрасты жизни; въ этихъ судьбахъ проявляется и развивается жизнь человѣчества, какъ развивается жизненное начало растенія, сначала пуская корни, образуя потомъ траву на поверхности земли, стволъ, почки, листья, вѣтки, цвѣтокъ и наконецъ плодъ. Время, когда народы сольются въ одно семейство, въ одинъ языкъ, въ одно нравственное лице, не будетъ ли послѣднимъ днемъ существованія человѣческаго рода, потому что оно наступитъ только тогда, когда всѣ племена преемственно внесутъ въ сокровищницу человѣческаго образованія плодъ всѣхъ благихъ зачатковъ, вложенныхъ въ нихъ

Провидѣніемъ и развитыхъ по Его предвѣчнымъ законамъ; когда такимъ образомъ челоувѣчество достигнетъ совершенства нравственнаго, которое непременно отразится и въ совершенствѣ его жизни общественной; когда челоувѣкъ успѣетъ согласить эту жизнь, привести ее къ тождественному знаменателю съ жизнію духа, преподанною ему Бого-челоувѣкомъ?

Никто не станетъ отрицать, что это время еще скрыто отъ насъ въ вѣчности; и мечты тѣхъ, которые думаютъ распространить единство образованія простымъ заимствованіемъ отъ народовъ, предшествовавшихъ намъ на пути просвѣщенія, такіа мечты жалкое, заблужденіе. Подражать (въ тѣсномъ смыслѣ слова) тому, что намъ предшествовало, значитъ подражать ошибочному и недостаточному. Потому уже, что оно явилось прежде насъ, оно стоитъ наканунѣ разрушенія; не того безплоднаго разрушенія, послѣ котораго надо строить съизнова отъ основанія, а разрушенія формы, для того, чтобы духъ, въ ней живущій, создалъ себѣ новую обитель. Такъ и система западнаго образованія обречена разрушенію потому, что не смотря на свою зрѣлость, она еще неизмѣримо далека отъ того, чтобы удовлетворить требованіямъ духа челоувѣческаго. Она высказываетъ уже свое завѣщаніе, и ограниченнымъ челоувѣческимъ взоромъ можно видѣть предѣлы ея владычества, предѣлы ея жизни. — Нѣкоторые скажутъ: дѣйствительно, можетъ быть, западное образованіе несовершенно, оно заключаетъ въ себѣ много вопросовъ, которые надо рѣшить; но оно рѣшить ихъ собственными силами, путемъ послѣдовательнаго

совершенствованія. Нѣтъ: есть вопросы, которые не разрешимы по его началамъ, хотя оно болѣзненно чувствуетъ потребность рѣшить ихъ; есть другіе, о которыхъ оно даже не знаетъ; такъ они далеки отъ его пониманія! Слѣдовательно, надо искать иной среды, гдѣ бы могли храниться эти начала, надо искать иной сокровищницы народнаго духа, откуда могли бы явиться новыя силы на земное поприще. Откуда же могутъ онѣ явиться, какъ не изъ Славянскаго міра, какъ не изъ этого міра дѣйствительнаго, непочатаго, до сихъ поръ заключеннаго въ себя самаго гнетомъ суровой и бережливой судьбы, которая, казалось, боялась, чтобы онъ не вышелъ на свѣтъ прежде урочнаго времени, и для того поставила его подъ давленіемъ тяжелой вѣшной атмосферы?

Вы спросите меня: что же новаго и совершеннѣйшаго можетъ внести Славянскій міръ въ общее образованіе?—Вопросъ, естественно представляющійся каждому; но, согласитесь, слишкомъ преждевременный. Отвѣчать на него—значило бы почти взять на себя опредѣленіе грядущихъ историческихъ судебъ человѣчества. Указать начала, дѣйствующія въ жизни того или другаго народа, можно только тогда, когда этотъ народъ достигъ возраста зрѣлости, когда онъ уже совершилъ большую половину своего поприща, и обозначилъ свою дѣятельность опредѣлительными выводами. Разложеніе должно быть плодомъ глубокаго изученія всѣхъ сторонъ жизни народа, и отношеній его къ дѣятельности народовъ предшествовавшихъ и современныхъ. Но когда зародышъ начинаетъ только двигаться, когда почка еще только образовалась,

всѣ гаданія на счетъ грядущаго будутъ болѣе или менѣе удачною игрою воображенія. Довольно того, что въ Славянскомъ начинающемся образованіи мы замѣчаемъ много Хрістіанской любви, много самопожертвованія, отсутствіе эгоизма, этого камня преткновенія западнаго міра. Это образованіе имѣетъ точкою отправления и цѣлю нашу меньшую братію во Хрістѣ, народъ въ тѣсномъ смыслѣ, тѣхъ смиренныхъ тружениковъ жизни, которые готовятъ черную работу для ея проявленій. На нихъ образованіе привыкло смотрѣть, какъ на массу, требующую переработки, какъ на матеріаль, который надо обтесывать, чистить, лощить, чтобы сдѣлать годнымъ къ употребленію. Разумъ Славянства обращается напротивъ къ нимъ за наставленіемъ, отъ нихъ ожидаетъ онъ себѣ помощи, ими одними живетъ онъ и можетъ дѣйствовать. И естественно, потому что только этѣ простыя души сохранили начала, вложенныя въ нихъ Провидѣніемъ; бѣдность, нищета и презрѣніе защитили ихъ отъ порчи, не дозволили имъ сдѣлаться участниками чужаго образованія. Горькими испытаніями пріобрѣли эти отверженные свое значеніе; множествомъ лишеній сберегли завѣщанное имъ сокровище. Всякій, кто не хотѣлъ испить горькой чаши, кто дѣлался богатъ, знатенъ, переставалъ быть Славяниномъ, отрекался отъ своихъ братій, съ сожалѣніемъ и насмѣшкою смотрѣлъ на нихъ. Также поступалъ и тотъ, кто считалъ себя образованнымъ, какъ всегда бываетъ тамъ, гдѣ образованіе приходитъ извнѣ, гдѣ оно составляетъ достояніе иноплемennыхъ обладателей?—Но наступаетъ въ Европѣ время, когда и послѣдніе будутъ первыми,—дивное

изреченіе, исполняющееся надъ Славянскимъ племенемъ, внутри его самого и въ отношеніи къ другимъ. Классъ образованныхъ чувствуетъ свое безсиліе и прибѣгаетъ къ дѣтямъ простаго быта, чтобы выпытать у нихъ тайну завѣщанныхъ имъ преданій; чувствуетъ ничтожество своего дѣйствования, безъ основаній Хрістіанской любви, и со слезами раскаянія открываетъ угнетенной братіи свои объятія. Отсель всѣ труды его будутъ посвящены разработкѣ того, чѣмъ она обладаетъ въ зародышахъ, или лучше, вызову ее къ разумной, сознательной дѣятельности.

И у насъ, какъ у западныхъ Славянъ, народъ, въ тѣсномъ смыслѣ, остался единственнымъ хранителемъ Славяно-Русскихъ началъ, следовательно и мы должны обратиться къ нему съ вопросами о нашей нравственной жизни; только онъ дастъ намъ возможность уразумѣть исторію нашего прошедшаго и связать ее съ будущимъ развитіемъ. Чѣмъ болѣе мы будемъ вникать въ составъ нашихъ народныхъ стихій, тѣмъ болѣе откроемъ сродства между собою и Славянами другихъ племенъ. Теперь не многіе еще поняли это; но многіе непредубѣжденные чувствуютъ потребность, необходимость сближенія. Такъ всегда чувство предшествоуетъ сознанію. — Впрочемъ и въ настоящее время достаточно логики здраваго смысла, чтобы видѣть необходимость общаго труда, общей работы для того, чтобы мы, Русскіе, могли занять по праву мѣсто, назначенное намъ въ исторіи человечества. Возьмемъ, какой угодно, отдѣлъ жизни: на всѣхъ путяхъ, во всѣхъ проявленіяхъ, намъ неизбежно необходимо родство духа съ Славян-

скими племенами, какое существуетъ въ крови, текущей въ нашихъ жилахъ. Начну съ ближайшаго. Смотри на наше свѣтское общество, нельзя не сознаться (даже отдавая справедливость нѣкоторымъ успѣхамъ его въ общемъ образованіи), что оно нарушаетъ основной законъ всякой жизни, законъ органическаго развитія; нарушеніе его не можетъ быть безнаказанно: оно мертвитъ, убиваетъ и дѣятельность и даже безотчетное наслажденіе жизнію. Не много найдется такихъ людей, которые бы, предаваясь свѣтскимъ удовольствіямъ, имѣя даже полный запасъ средствъ не отказывать себѣ ни въ какихъ прихотяхъ моды и условныхъ требованій свѣтскаго быта, не жаловались на какую-то пустоту и скуку, невольно одолевашую. Это недужное расположеніе (*malaise*) охватываетъ большинство; отъ него не могутъ уйти самые записные послѣдователи чужеземства; можно сказать, что они-то всего болѣе ему подвержены.—Всѣ жалуются на нныя требованія, на нныя условія, къ которымъ приучаешься только продолжительнымъ принужденіемъ самого себя, въ которыхъ не видишь ничего разумнаго, которыя всякій разъ бранишь, исполняя, которыя часто противорѣчатъ лучшимъ человѣческимъ влеченіямъ. А между тѣмъ нѣтъ силъ сбросить эти условія. Если разсмотримъ ихъ поближе, въ нихъ болѣею частію проявляется несвойственный намъ эгоизмъ, несвойственное намъ презрѣніе къ тому, что одною ступенью стоитъ ниже насъ по внѣшности, вынужденное презрѣніе къ условно дурному, болѣею частію, своему народному, часто оправдываемому и разумомъ и сердцемъ.

Какъ же составились эти условія , откуда взялись они ? — Кто имѣлъ случай видѣть сколько нибудь составъ общества въ Германіи , особенно въ Австріи , гдѣ оно менѣе измѣнилось отъ дыханія современности , тотъ вѣроятно замѣтилъ тамъ много близкихъ къ намъ явленій . Но , что тамъ оправдывается исторіею , умѣряется разумомъ , проникается народнымъ духомъ , то у насъ является въ своей формальной односторонности , и , какъ обыкновенно подражаніе , со всею исключительностію , нетерпимостію . Подражатели прежде всего хватаются за внѣшность , за частности , и слѣдуютъ имъ съ гораздо болѣе упрямствомъ , нежели самъ изобрѣтатель , воображая , что въ нихъ-то заключается вся сущность , или лучше , не понимая послѣдней . — На невѣрной основѣ не можетъ выйти правильная ткань ; и чѣмъ далѣе , тѣмъ неправильность дѣлается безобразнѣе ; такъ и у насъ постепенно долженъ былъ усиливаться разладъ свѣтскаго общества съ жизнію народа , заданною ему природнымъ составомъ и предшествовавшими вѣками историческаго существованія . Всякій человекъ , тѣмъ болѣе народъ , одаренъ задаткомъ творческихъ силъ : извести его на степень постоянного подражателя во всемъ , значитъ сдѣлать изъ него по возможности неодушевленную машину . Удивительно-ли послѣ того , что общество , подвергшее себя подобному насилию , чувствуетъ постоянную неловкость ? Нельзя безъ тайной грусти и тоски , безъ оскорбляющаго ощущенія , отказываться отъ собственнаго ума , отъ своей воли , чувства , взрослому безпрестанно нисходитъ къ роли ребенка и пеститъ вериги чужаго попечительства .

Таковы условія, налагаемыя на насъ поклонничествомъ западному образованію. Не того можемъ мы ожидать отъ Славянскаго міра. Если мы породнимся съ нимъ, то многое явится намъ въ совершенно иномъ свѣтѣ; многимъ объяснится, что тоска ихъ есть тоска человѣческаго чувства, которое проситъ себѣ доли въ жизни; многія преграды, положенныя этому влеченію, теперь кажушіяся неодолимыми, падутъ сами собою. Мы увидимъ, какъ смѣшно и жалко быть умнымъ и образованнымъ, заднимъ числомъ; вмѣстѣ съ полученіемъ свѣжаго транспорта иностранныхъ книгъ отказываться отъ того, что мы вчера считали истиннымъ и добрымъ; увидимъ, что достоинство чело-вѣка стоитъ выше всякихъ круговъ общества, что оно должно быть первымъ условіемъ въ опредѣленіи его значенія; что понятія: *appartenir à la société*, *les personnes de la société*, основаны на самомъ ложномъ эгоизмѣ, на самой дурной сторонѣ чело-вѣческой природы — на исключительномъ себя-любіи; что они отрицаютъ нравственное значеніе чело-вѣка. Самостоятельность ума, чистота чувства и благородство національнаго стремленія уничтожатъ матеріальныя наклонности нашего общества; мы почувствуемъ, что не шелковые обои и шелковыя ткани, не модная вычурность мебели и платья, покупаемая нами безумною цѣною (часто цѣною совѣсти и безчестія), не заморскія диковины, не роскошный столъ, составляютъ то, что необходимо чело-вѣку для свѣтлой, веселой жизни, не говорю уже, для счастья. А если мы чувствуемъ это и теперь, то увидимъ тогда причину этого явленія, узнаемъ, какъ помочь горю; узнаемъ, что мы дѣ-